

УДК 94:327((47 + 57):438:430)«1922-1926»

МЕСТО ПОЛЬШИ В РАПАЛЛЬСКОЙ ПОЛИТИКЕ В 1922–1926 гг.

Н. Н. МЕЗГА¹⁾

¹⁾Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины,
ул. Советская, 104, 246019, г. Гомель, Беларусь

Аннотация. Устанавливается, в какой степени польский фактор определял характер отношений между Россией и Германией в период от заключения Рапалльского договора до заключения Берлинского договора, а также насколько он влиял на динамику советско-германского сотрудничества в рамках рапалльской политики в контексте версальской системы международных отношений. Отмечается, что благодаря роли Польши в версальской системе рапалльская политика выступала в качестве наиболее очевидного элемента послевоенного международного порядка, против которого был направлен антиверсальский курс России и Германии. Антипольские элементы политики Москвы и Берлина укрепляли курс Рапалло в отношениях между ними. В то же время польский фактор имел тактическое значение в рамках рапалльской политики. Он использовался в качестве политического инструмента Москвы и Берлина в отношениях с ведущими странами Запада. Именно от их позиции зависело достижение стратегической цели внешней политики СССР и Германии, а именно пересмотра Версальского мира. Рапалльская политика могла способствовать уступкам со стороны западных стран в этом направлении, в том числе за счет Польши.

Ключевые слова: версальская система международных отношений; рапалльская политика; Польша; СССР; Германия; Рижский мирный договор.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках выполнения задания государственных программ научных исследований на 2021–2025 гг.

МЕСЦА ПОЛЬШЧЫ Ў РАПАЛЛЬСКОЙ ПАЛІТЫЦЫ Ў 1922–1926 гг.

М. М. МЯЗГА^{1*}

^{1*}Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны,
вул. Савецкая, 104, 246019, г. Гомель, Беларусь

Анатацыя. Устанаўліваецца, у якой ступені польскі фактар вызначаў характар адносін паміж Расіяй і Германіяй у перыяд ад заключэння Рапальскага дагавора да заключэння Берлінскага дагавора, а таксама наколькі ён уплываў на дынаміку савецка-германскага супрацоўніцтва ў рамках рапальскай палітыкі ў кантэксце версальскай сістэмы міжнародных адносін. Адзначаецца, што дзякуючы ролі Польшчы ў версальскай сістэме рапальская палітыка выступала ў якасці найбольш відавочнага элемента пасляваеннага міжнароднага парадку, супраць якога быў накіраваны антыверсальскі курс Расіі і Германіі. Антыпольскія элементы палітыкі Масквы і Берліна ўмацоўвалі курс Рапала ў адносінах паміж імі. Пры гэтым польскі фактар меў тактычнае значэнне ў рамках рапальскай палітыкі. Ён выкарыстоўваўся ў якасці палітычнага інструмента ў адносінах Масквы і Берліна з вядучымі краінамі Захаду. Менавіта ад іх пазіцыі залежала дасягненне стратэгічнай мэты знешняй палітыкі СССР і Германіі, а іменна перагляду Версальскага міру. Рапальская палітыка магла спрыяць уступкам з боку заходніх краін у гэтым кірунку, у тым ліку за кошт Польшчы.

Образец цитирования:

Мезга НН. Место Польши в рапалльской политике в 1922–1926 гг. Журнал Белорусского государственного университета. История. 2025;1:30–38.
EDN: WJOIMN

For citation:

Miazga MM. Poland's place in Rapallo politics in 1922–1926. Journal of the Belarusian State University. History. 2025;1:30–38. Russian.
EDN: WJOIMN

Автор:

Николай Николаевич Мезга – доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой всеобщей истории факультета истории и межкультурных коммуникаций.

Author:

Mikalai M. Miazga, doctor of science (history), full professor; head of the department of general history, faculty of history and intercultural communications.
miazgamm65@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-6810-6942>

Ключавыя словы: версальская сістэма міжнародных адносін; рапальская палітыка; Польшча; СССР; Германія; Рыжскі мірны дагавор.

Падзяка. Артыкул падрыхтаваны ў рамках выканання задання дзяржаўных праграм навуковых даследаванняў на 2021–2025 гг.

POLAND'S PLACE IN RAPALLO POLITICS IN 1922–1926

M. M. MIAZGA^a

^a*Francisk Skorina Gomel State University, 104 Saveckaja Street, Gomel 246019, Belarus*

Abstract. The article aims to establish to what extent the Polish factor determined the nature of relations between Russia and Germany in the period from the Rapallo to the Berlin treaty, influenced the dynamics of Soviet-German cooperation within the framework of the Rapallo policy in the context of the Versailles system of international relations. Due to Poland's role in the Versailles system, it acted as the most obvious element of the post-war international order, against which the anti-Versailles politics of Russia and Germany was directed. The anti-Polish elements of the policy of Moscow and Berlin strengthened Rapallo's course in relations between them. But at the same time, the Polish factor was of tactical importance within the framework of the Rapallo policy. He was used, like Rapallo in general, as a tool in the policy of Moscow and Berlin in relation to the leading countries of the West. After all, it was on their position that the achievement of the strategic goal of the foreign policy of the USSR and Germany – the revision of the treaty of Versailles – depended. The Rapallo policy was assigned the role of a factor that would facilitate concessions from Western countries in this direction, including at the expense of Poland.

Keywords: Versailles system of international relations; Rapallo policy; Poland; USSR; Germany; Riga treaty.

Acknowledgements. The article is prepared within the framework of the state research programmes assignment for 2021–2025.

Введение

Подписание Рапальского договора в решающей степени явилось следствием неравноправного положения России и Германии в рамках версальской системы международных отношений. Названные государства стремились к ликвидации международного порядка, установленного победителями в Первой мировой войне. Негативным элементом версальской системы международных отношений для России и Германии выступало отсутствие у них общей границы. Данное обстоятельство было связано с восстановлением независимости Польского государства, поэтому советско-германское сотрудничество в рамках Рапалло приобретало отчетливо выраженную антипольскую окраску.

В советской исторической науке рапальская политика в отношениях между СССР и Германией рассматривалась в контексте стратегии мирного сосуществования с капиталистическими странами [1]. В современной белорусской и российской историографии подчеркивается антиверсальская направленность советско-германского сотрудничества, включая его военную составляющую [2–4]. При этом рапальская политика анализируется и в широком контексте международных отношений, в том числе с учетом влияния польского фактора на взаимодействие Берлина и Москвы [5; 6]. В польской историографии делается акцент на антипольском характере курса Рапалло [7; 8]. В германской историографии Рапальский договор рассматривается прежде всего как инструмент, который правящие круги Германии

пытались использовать для ревизии Версальского мира [9; 10].

Источниковую базу статьи составили дипломатические документы, которые были опубликованы в ряде сборников, изданных в СССР, России, Польше и Германии, а также документы, хранящиеся в российских и польских архивах. Важным элементом блока источников явились материалы личного происхождения.

Цель настоящего исследования – установить, в какой степени польский фактор определял характер отношений между Россией и Германией в период от заключения Рапальского договора до заключения Берлинского договора, а также насколько он влиял на динамику советско-германского сотрудничества в рамках рапальской политики в контексте версальской системы международных отношений. Для достижения указанной цели были решены следующие задачи: выяснено влияние международного порядка, установившегося в Центрально-Восточной Европе к началу 1920-х гг., на внешнюю политику России, Польши и Германии; установлено, какая роль отводилась Рапальскому договору руководством Советского государства и Германии в контексте их антиверсальского курса; определено, какие функции выполняла рапальская политика в отношениях СССР и Германии с Польшей и ведущими государствами Запада; выявлено, являлся ли антипольский фактор решающим для курса Рапалло в советско-германских отношениях.

Методология исследования

При подготовке данной статьи ключевая роль в методологическом плане принадлежала системному подходу к исследованию истории международных отношений. Он предполагает изучение истории внешней политики отдельных государств в контексте той или иной системы международных отношений. Так, к началу 1920-х гг. сформировалась версальско-вашингтонская система международных отношений. Применительно к Европе есть основания говорить о достаточно автономной версальской системе. Ей принадлежала ключевая роль в формировании миропорядка после Первой мировой войны. Каждая система международных отношений имеет определенную структуру и определенный баланс сил, поэтому будет правомерным рассматривать версальскую систему, как обладающую этими компонентами, в качестве самостоятельной системы. В рамках каждой системы международных отношений вычленяется ряд подсистем. Для версальской системы одной из таковых являлась центрально-европейская подсистема. В данном исследовании внешняя политика СССР, Польши и Германии рассматривается с учетом того влияния, которое на нее

оказывало положение указанных государств в версальской системе, а именно в ее центральноевропейской подсистеме.

В современной историографии наряду с понятием «система международных отношений» применяется понятие «международный порядок». Под ним подразумевается комплекс конкретных международных договоренностей и возникших на их основе отношений. В Центральной Европе существовал достаточно автономный международный порядок, так как на его формирование значимое влияние оказали не только Версальским мир, но и другие международно-правовые акты, прежде всего Рижский мирный договор. Учитывая данное обстоятельство, мы все же исходим из того, что определяющее влияние на стабильность версальской системы на ее восточной периферии оказывали великие государства, составлявшие ядро данной системы международных отношений. В ходе подготовки настоящей статьи нашли применение и традиционные специальные исторические методы исследования: историко-генетический, историко-сравнительный и историко-системный.

Результаты и их обсуждение

Восстановление независимости Польского государства в результате Первой мировой войны и русской революции 1917 г. изменило международно-политическую ситуацию в Центрально-Восточной Европе. Новым элементом сложившегося геополитического порядка стало то, что Россия и Германия утратили общую границу. Друг от друга их отделила восстановившая независимость Польша. Последнюю не в полной мере удовлетворяли решения Парижской мирной конференции 1919–1920 гг. Тем не менее Версальский мир провозглашал международное признание независимой Польши и присоединение к ней на западе ряда германских территорий. В результате Польша стала важной опорой версальской системы в Центрально-Восточной Европе и ее отношения с Германией приобрели ярко выраженный антагонистический характер.

Наличие указанного антагонизма и отсутствие реальных возможностей для нормализации польско-германских отношений в условиях становления версальской системы осознавали в Варшаве. Начальник генерального штаба польской армии В. Сикорский в меморандуме от 19 января 1922 г. сделал вывод о том, что Польша не может рассчитывать на сохранение послевоенного положения вещей путем соглашения с Россией и Германией¹. По мнению министра

иностраннных дел Польши К. Скирмунта, улучшение отношений с Германией было возможно лишь в случае признания ею международного порядка, установленного Версальским миром². Однако являлось очевидным, что рассчитывать на такой шаг со стороны Германии не приходится.

Установившийся после Первой мировой войны международный порядок обусловил формирование антипольских настроений среди германской элиты. Канцлер Й. Вирт, определяя мотивы, побудившие Германию пойти на подписание Рапальского договора с Россией, указывал на роль, которую Франция отводила Польше в европейской политике [11, s. 10]. Антипольский аспект германской политики отчетливо прозвучал в беседе Й. Вирта и У. Брокдорфа-Ранцау, назначенного послом в Москву. Канцлер заявил: «С Польшей нужно кончать». Моя политика стремится к этой цели»³ [12, s. 253]. Курс на ликвидацию независимой Польши активно поддерживал и командующий рейхсвером генерал Г. Зект. Так, 11 сентября 1922 г. он писал Й. Вирту, что с падением Польши исчезнет один из главных защитников Версаля. Данная задача, по мнению генерала, должна стать одной из важнейших во внешней политике Германии и решать ее следует с помощью России [13, s. 39]. Однако в германских политических кругах

¹ Dokumenty z dziejów polskiej polityki zagranicznej. 1918–1939 : w 2 t. / pod redakcją T. Jędruszcza, M. Nowak-Kiełbikowej. Warszawa : Inst. Wydaw. Pax, 1989. T. 1 : 1918–1932. S. 183.

² Ibid. S. 179.

³ Здесь и далее перевод наш. – Н. М.

имело место и другое видение советско-германского договора в Рапалло, не связанное с его антипольской направленностью. Как отмечает немецкий историк Г. Кёнен, министр иностранных дел Германии В. Ратенау рассматривал Рапальский договор как тактический ход, который должен был предотвратить наметившееся на Генуэзской конференции советско-английское сближение [14, S. 240–241]. Следовательно, германская дипломатия изначально рассматривала соглашение с Россией в контексте отношений Германии с государствами, составлявшими ядро версальской системы.

Взаимодействие Польши с Советской Россией регулировалось Рижским мирным договором. Условия данного соглашения воспринимались в Москве как несправедливые по отношению к России. В. И. Ленин отмечал, что ему пришлось столкнуться с серьезным сопротивлением противников мира с Польшей на тех условиях, на которых он был подписан [15, с. 19]. После заключения договора советское руководство сразу обозначило свое стремление добиться его пересмотра, чему и должно было способствовать сотрудничество с Германией. В начале марта 1922 г. в польских дипломатических кругах обсуждалась информация о высказанных Л. Д. Троцким планах заключения советско-германского союза. Согласно сведениям, полученным польским посольством в Берлине, председатель Революционного военного совета республики считал эти планы вполне осуществимыми, так как уже с мая 1921 г. немецкие офицеры проводили инструктаж в рядах Красной армии. В качестве свидетельства подготовки военного союза России и Германии польские дипломаты, работавшие в Берлине, рассматривали также визит К. Б. Радека в германскую столицу в январе – феврале 1922 г. Советский представитель должен был добиться поставок германских военных материалов⁴.

Рижский мирный договор отражал соотношение политических сил на момент окончания советско-польской войны, когда Россия, непрерывно воевавшая с 1914 г., была существенно ослаблена. В дальнейшем соотношение сил изменилось в ее пользу, что поставило под сомнение прочность указанного договора. В начале 1920-х гг. советская внешняя политика претерпела серьезные изменения. Начался переход от курса на осуществление мировой революции к реальной политике. Данная тенденция проявлялась в стремлении восстановить международные позиции России, в первую очередь в Восточной Европе [6, с. 213]. Это предполагало пересмотр международного порядка, установившегося в регионе по условиям Версальского мира и Рижского мирного договора, в частности воссоединение с советскими республиками Западной Беларуси и Западной Украины. Указанные внешнеполитические цели Советского государства имели явную антиполь-

скую направленность. Наличие у Советской России и Германии острых противоречий с Польшей должно было стать фактором, содействующим их сближению. Однако в процессе подготовки Рапальского договора польский вопрос не звучал [5, с. 26, 29–30]. Проектируемый, а затем подписанный в Рапалло договор рассматривался и в Москве, и в Берлине как инструмент достижения значительно более существенных целей на международной арене, чем решение только польского вопроса.

Возможность пересмотра принципов послевоенного международного порядка, в том числе в Центрально-Восточной Европе, что являлось стратегической целью России и Германии, зависела в решающей степени от позиции Великобритании и Франции, составлявших ядро версальской системы. В силу этого Рапальский договор должен был стать элементом политики Москвы и Берлина прежде всего по отношению к ведущим государствам бывшей Антанты. Также он был призван сыграть важную роль в восстановлении военно-экономического потенциала Германии и особенно России, что позволило бы укрепить их влияние на международной арене. В ходе переговоров с Германией после подписания Рапальского договора советское руководство на первый план ставило вопрос о немецкой помощи в восстановлении военной промышленности. Данную позицию Москвы настойчиво отстаивала во время визита в Берлин советская военная делегация, которую возглавлял заместитель председателя Революционного военного совета СССР Э. М. Скиянский [16, с. 8]. Стратегическую цель советско-германского сотрудничества осознавали и в польских правящих кругах. Как писал видный польский политик того времени С. Грабский, Москва и Берлин разными дорогами, однако с помощью общего скоординированного плана деятельности стремятся подорвать и уничтожить мир, «установленный на развалинах германского мирового господства» [17, с. 163].

Польская политическая элита исходила из того, что Рапальский договор ухудшает внешнеполитическое положение страны. Подобные настроения проявились уже в ходе работы Генуэзской конференции, когда Польша вошла в число государств, направивших Германии две ноты протеста в связи с подписанием Рапалло. Советско-германское сближение, отражением которого стал названный договор, действительно несло определенную угрозу для Польши. В Центрально-Восточной Европе формировалась новая расстановка сил, в рамках которой Польша оказывалась в изоляции. Польские политики обращали на это внимание. Так, депутаты И. Дашиньский и Я. Домбский на слушаниях в сейме 5 июля 1922 г. отмечали, что ситуация, сложившаяся в результате подписания Рапальского договора, потребует от правительства дипломатической

⁴ Arch. akt nowych. Ambasada RP w Berline. Sygn. 784. Ł. 5–6.

активности в целях недопущения изоляции Польши в Восточной Европе [18, s. 108–109].

Рапалльский договор ухудшал международное положение Польши и в связи с тем, что позволял Москве и Берлину координировать свою политику, направленную на ревизию Версальского мира. В то же время Рапалло должен был привести к активизации торгово-экономических отношений между Россией и Германией. Для развития этих связей важна была позиция Польши, через территорию которой проходили транзитные пути, связывающие ее великих соседей. По мнению одного из ведущих польских историков межвоенного времени С. Кутшебы, Рапалльский договор сулил определенные выгоды для Польши и в более широком международном плане. Историк высказывал надежду на то, что советско-германское соглашение убедит Англию в необходимости существования Польши как барьера между Германией и Россией и обеспечит Варшаве большую поддержку на международной арене со стороны Лондона [19, s. 41]. Польская дипломатия периодически демонстрировала стремление к улучшению отношений то с Германией, то с Советской Россией. Но цель этих шагов заключалась не столько в стремлении Варшавы наладить сотрудничество, сколько в желании максимально ослабить «дух Рапалло» в отношениях между Москвой и Берлином [5, с. 39–40, 46–47].

В польской политической элите было широко распространено мнение о том, что Польша, укрепляя отношения со своими союзниками, может успешно противостоять угрозам, которые возникли в связи с заключением Рапалльского договора⁵. Сами эти угрозы признавались лишь потенциальными, так как Россия и Германия на тот момент не имели сил, необходимых для проведения активной антипольской политики. По словам польского исследователя М. Каминского, в 1922 г. угроза военного конфликта для Польши отсутствовала. Он связывает это с тем, что Германия была разоружена, а Советская Россия после подписания Рижского мирного договора приступила к упорядочению внутренних дел. Общая расстановка сил на международной арене также не благоприятствовала осуществлению антипольских планов Германии и России. Но, как справедливо отмечает М. Каминский, Рапалльский договор ослаблял версальскую систему и усиливал международные позиции ее главных противников в лице Германии и России, что объективно противоречило интересам Польши [20, s. 81]. Благодаря заключению договора Россия и Германия почувствовали себя более уверенно и усилили антипольскую направленность своей политики. Примером в данном контексте может служить ужесточение позиции Москвы относительно выполнения материальных обязательств по Рижскому

мирному договору. К. Скирмунт в ноте к Г. В. Чичерину от 3 мая 1922 г. обратил внимание на то, что после заключения Рапалльского договора Россия прекратила соответствующие выплаты и передачу имущества⁶. Однако советское руководство и раньше прибегало к данному инструменту давления на Польшу.

Беспокойство поляков вызывало советско-германское военное сотрудничество. При этом его эффективность была невысокой, что подтверждается ходом реализации ряда проектов [2]. Тем более не представлялось возможным осуществление каких-либо совместных военных акций Советской России и Германии, направленных против Польши. В условиях рурского кризиса советское руководство в этом отношении занимало сдержанную позицию, что продемонстрировали, в частности, переговоры военных делегаций двух стран в Берлине и Москве. СССР отверг требование германской стороны взять на себя конкретные обязательства по оказанию военной помощи Германии [16]. Москва ограничилась дипломатическими шагами, чтобы не допустить вмешательства Польши в германо-французский конфликт [21, с. 94–95].

Советское давление на Польшу усилилось осенью 1923 г. в связи с ожиданием в Германии социалистической революции. Однако данное обстоятельство было обусловлено не рапалльской политикой, а скорее отступлением от нее. В этот период в советском руководстве курс на свершение мировой революции стал преобладать над реальной политикой, частью которой был Рапалло. События осени 1923 г. оказали влияние на отношение Германии к СССР. Они продемонстрировали ненадежность Советского государства как партнера на международной арене и подтолкнули Германию к сближению с Западом. В этих условиях возрастала роль польского фактора в вопросе сохранения рапалльской политики, прежде всего для Москвы. Как отмечал в мемуарах германский дипломат Г. Дирксен, Россию и Германию объединяла нелюбовь к их общему соседу – Польше [22, с. 37]. Проблемы, которые обозначились в отношениях между СССР и Германией, не привели к утрате правительствами двух стран заинтересованности в сохранении курса Рапалло. Это было обусловлено тем, что еще не были решены важнейшие для Германии и СССР внешнеполитические задачи, связанные с разрушением версальской системы международного взаимодействия. На этом этапе Рапалльский договор оставался инструментом политики Германии и СССР в отношении не только Польши, но и государств, составлявших ядро версальской системы. Москва многие аспекты рапалльской политики связывала с Англией и Францией. Политбюро ЦК РКП(б) 5 мая 1924 г. обсуждало инцидент в советском торговом представительстве

⁵Арх. внеш. политики Рос. Федерации (АВП РФ). Ф. 418. Оп. 2. Папка 10. Д. 61. Л. 162 ; Там же. Л. 98.

⁶Там же. Л. 19.

в Берлине. Он рассматривался в контексте советско-английских переговоров в Лондоне. В событиях вокруг торгового представительства усматривалось желание деловых кругов Германии и Франции сорвать советско-английские переговоры⁷.

В декабре 1924 г. в ходе подготовки к советско-германским переговорам германское правительство через посла в Москве У. Брокдорфа-Ранцау предложило сделать их предметом отношений с Польшей и выдвинуло формулу оттеснения Польши к ее этническим границам. Обсудив германскую позицию, Политбюро ЦК РКП(б) 24 декабря признало необходимым поставить вопрос значительно шире. Подчеркивалось, что обмен мнениями с Германией должен касаться не только Польши. Москва намеревалась обсудить отношения с Англией, а также советскую и германскую международную политику в целом. В будущем договоре следовало согласовать такие важные для СССР вопросы, как неучастие двух государств в политических и экономических блоках третьих стран, направленных против одного из участников соглашения, координация шагов по вступлению в Лигу Наций⁸. Следовательно, для продолжения рапальской политики польский вопрос не имел для Москвы определяющего значения. Он должен был решаться в контексте более общих проблем международных отношений, важных для восстановления великодержавного статуса России и Германии.

В середине 1920-х гг. вопрос пересмотра границ в Центрально-Восточной Европе стал более актуальным для советской дипломатии. Как уже отмечалось, германское предложение об оттеснении Польши к ее этническим границам в декабре 1924 г. не отвергалось. Полномочный представитель СССР в Англии Х. Х. Раковский подготовил аналитическую записку, датированную 21 ноября 1924 г., в которой высказал предложения о корректировке советской внешней политики. Наряду с решением ее традиционных задач («укрепление и поднятие нашего социалистического хозяйства», «обеспечение Союза от всевозможных интервенций», «содействие рабочему классу всех стран в борьбе за захват политической власти»⁹) предлагалось приступить и к выполнению такой задачи, как «приобщение к Союзу насильственно оторванных от него и аннексированных различными нашими соседями национальных групп (украинцев, белорусов и прочих)»¹⁰. Заместитель наркома иностранных дел СССР М. М. Литвинов представил свои соображения относительно приоритетов советской внешней политики. Его программа подразумевала

установление суверенитета СССР над Западной Беларусью и Западной Украиной, а также над странами Прибалтики. При этом между позициями Х. Х. Раковского и М. М. Литвинова имелись некоторые расхождения. Так, Х. Х. Раковский считал, что основным объектом советского давления должна стать Польша и в целях ее изоляции следует вести крайне осторожную политику по отношению к странам Прибалтики. Заместитель наркома иностранных дел СССР рассматривал вариант усиления советского давления как раз на Прибалтику при некотором улучшении связей с Польшей¹¹. Для противодействия польским замыслам в Прибалтике советское руководство планировало использовать Германию. Так, 9 апреля 1925 г. Политбюро ЦК РКП(б) обсуждало вопрос о риске создания направленного против СССР блока прибалтийских государств. Организаторами этого проекта были признаны Франция и Англия. К борьбе с проектом прибалтийского блока предполагалось привлечь Германию, используя для этого германо-польские противоречия¹².

В 1925 г. в условиях подготовки Рейнского гарантийного пакта особый интерес советского руководства в проектируемом договоре вызывал вопрос о гарантиях польских границ со стороны Германии. Во время беседы с советским полномочным представителем в Берлине Н. Н. Крестинским 15 апреля германский министр иностранных дел Г. Штресеман заявил, что проектируемый гарантийный пакт не направлен против СССР. При этом он подчеркнул, что Германия и после подписания документа оставит за собой свободу рук в отношении своей восточной границы и будет стремиться к ее ревизии с помощью всех возможных мирных средств. Н. Н. Крестинский высказал опасение по поводу того, что Германия объединяется с Антантой против России. В ответ Г. Штресеман заверил его, что германское правительство не имеет умысла объединяться с Польшей против России [23, S. 512, 513]. Вскоре, 22 апреля, состоялась беседа Н. Н. Крестинского с германским канцлером Г. Лютером. Глава германского правительства заверил своего собеседника в том, что вступление Германии в Лигу Наций и подписание гарантийного пакта не означают окончания рапальской политики. Он объяснил это тем, что «сближение между Германией и Россией, экономическое и политическое, диктуется объективным положением вещей» [24, с. 428].

Значительное внимание польской проблеме было уделено во время пребывания Г. В. Чичерина в Берлине, куда он прибыл в начале октября 1925 г., сразу

⁷ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа. Решения особой папки. 1923–1939 / редкол.: Г. Адибеков [и др.]. М.: РОССПЭН, 2001. С. 29.

⁸ Там же. С. 57.

⁹ Там же. С. 14.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 76.

после визита в Варшаву. Как отмечает в своих мемуарах Г. Штреземан, в связи с предстоящим уже в ближайшее время подписанием Германией гарантийного пакта советский нарком в очередной раз высказал опасение насчет того, что данное событие приведет к какому-либо, пусть даже косвенному, подтверждению германо-польской границы. По словам Г. Штреземана, Германия никогда добровольно не пойдет на предоставление гарантий Польше [23, S. 515]. Приведенные факты свидетельствуют о том, что в связи с предстоящим подписанием гарантийного пакта советское руководство не только было обеспокоено сближением Германии с ведущими государствами Запада, но и выражало тревогу по поводу предоставления Германией любых гарантий в отношении польских границ. В Москве опасались, что такие гарантии могут в значительной степени обесценить советско-германское сотрудничество, имевшее антипольскую основу. Г. Штреземан стремился рассеять опасения советской дипломатии по поводу любых гарантий Германии в отношении польских границ и 10 октября направил специальный меморандум советскому полномочному представителю в Берлине. В документе германское правительство в очередной раз подчеркивало, что о гарантиях в отношении восточной границы Германии в проекте гарантийного пакта речи не идет [23, S. 512].

Безусловно, Москву и Берлин объединяла антипольская направленность их внешней политики. Данное обстоятельство стало важным, но не единственным фактором сохранения курса Рапалло в условиях сближения Германии с Западом. Необходимо учитывать общую оценку международной ситуации советским руководством после заключения Локарнских соглашений. В Москве не считали, что они привели к ликвидации противоречий между Германией и странами Запада в рамках версальской системы. В декабре 1925 г. в выступлении на XIV съезде ВКП(б) И. В. Сталин, характеризуя Локарнские соглашения, заявил, что они не стерли противоречия между побежденными и победителями, а только обострили их. По его мнению, Локарнские соглашения являлись продолжением Версальского мира и были нацелены на сохранение международного порядка, созданного победителями в Первой мировой войне. И. В. Сталин также отметил, что Версальский мир узаконил «потерю украинской Галиции и Западной Волыни, потерю Белоруссией западной ее части, потерю Литвой Вильни и прочее»¹³. Тем самым актуальность стратегической цели советской внешней политики, предусматривавшей разрушение версальской системы, сохранялась и после заключения Локарнских соглашений, в частности, обострялась задача включения в состав СССР ряда территорий.

Через сохранение рапальского курса в отношениях с Германией советское руководство решало и задачу предотвратить ее вхождение в возможный единый антисоветский фронт капиталистических государств. Польский вопрос служил инструментом для достижения этой цели. Сохранение рапальской политики было подкреплено подписанием Берлинского договора о нейтралитете. Германия в условиях Локарно пошла на договор, подтвердивший курс Рапалло, так как ее руководство понимало, что наиболее перспективной политикой в плане ревизии Версальского мира является политика равновесия между Востоком и Западом, а именно сочетание курсов Рапалло и Локарно. При этом Берлин видел в Польше первоочередной объект в деле ревизии Версальского мира. В письме к бывшему кронпринцу 9 сентября 1925 г. Г. Штреземан в качестве важнейших задач внешней политики Германии назвал «возвращение Данцига, польского коридора и корректировку границы в Верхней Силезии» [23, S. 553].

В условиях подготовки гарантийного пакта польские правящие круги надеялись на то, что его действие приведет к подрыву советско-германского сотрудничества. С целью усилить недоверие между Москвой и Берлином польское правительство в конце 1924 г. инициировало начало советско-польских переговоров по широкому кругу вопросов. Однако именно заинтересованность советского руководства в сохранении курса Рапалло в отношениях с Германией делала достижение советско-польского соглашения малореальным. В связи с началом советско-польских переговоров в инструкции Народного комиссариата иностранных дел СССР для полномочного представителя в Польше П. Л. Войкова указывалось: «Переговоры необходимо начать [как] возможно скорее, затягивая их с таким расчетом, чтобы мы могли раньше договориться с Германией на основе проводимого с обеих сторон аналогичного зондирования. После нашего соглашения с Польшей у Германии исчезнет всякий стимул для принятия наших предложений. Наше соглашение с Польшей, то есть обеспечение нашего нейтралитета в случае столкновения Польши с Германией, фактически изолирует Германию полностью и убивает ее надежды на всякое сотрудничество с нами. Германии не приходится опасаться нашего соглашения о совместном выступлении с Польшей и Францией, а поэтому наш нейтралитет после того, как мы обещали такой же нейтралитет и Польше, теряет для Германии всякий смысл»¹⁴. Из содержания данного документа следует, что ход и исход переговоров с Польшей руководство СССР подчинило решению задачи по сохранению рапальского курса в отношениях с Германией. Данное обстоятельство делало практически нереальным заключение советско-польского договора о ненападении в тот момент.

¹³XIV съезд ВКП(б) : стеногр. отчет. М. : Госиздат, 1926. С. 13–14.

¹⁴АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. Папка 217. Д. 52670. Л. 3–4.

Надежды поляков на крах рапальской политики в связи с заключением Локарнских соглашений не оправдались. СССР и Германия сохраняли заинтересованность в ее продолжении, несмотря на крен Берлина в сторону Запада. Понимая, что намечавшееся подписание нового политического договора между СССР и Германией означает сохранение рапальской политики, польская дипломатия приняла попытку сорвать его заключение, организовав в Берлине коллективный протест с участием ведущих государств Запада. Данная попытка закон-

чилась провалом прежде всего из-за отрицательной позиции Англии¹⁵. В международных условиях, созданных в Западной Европе в результате заключения Локарнских соглашений, Лондон стремился не предпринимать шаги, которые могли бы усилить крен Германии в сторону Востока. Кроме того, сохранение международного порядка, установленного в Центрально-Восточной Европе по условиям Версальского мира и Рижского мирного договора, британская политическая элита не считала жизненно важным [25].

Заключение

Таким образом, польский фактор присутствовал в рамках рапальской политики. При этом он имел скорее тактическое значение. Антипольская политика Советской России и Германии наиболее очевидно демонстрировала антиверсальскую направленность Рапалло. Присущее советской и германской политике негативное отношение к Польше являлось фактором, который способствовал сохранению сотрудничества между Москвой и Берлином. В стратегическом плане значение Рапальского договора для СССР и Германии выходило далеко за рамки польского вопроса. Рапальская политика рассматривалась в Москве и Берлине для достижения их целей в контактах с ведущими государствами Запада – создателями версальской системы. Именно от

отношений с ними зависели перспективы ревизии версальской системы, в том числе в Центрально-Восточной Европе. Отрицательное влияние Рапальского договора на международное положение Польши было связано в первую очередь с потенциальными угрозами, которые он создавал для послевоенного порядка в Центрально-Восточной Европе. Сохранение данного порядка соответствовало польским интересам. Польские правящие круги обоснованно опасались, что в случае согласия стран Запада на изменение версальской системы международных отношений в данном регионе, как того добивались СССР и Германия и чему должен был содействовать Рапальский договор, эта трансформация будет осуществляться за счет польских интересов.

Библиографические ссылки

1. Ахтамзян АА. *Рапальская политика*. Москва: Международные отношения; 1974. 303 с.
2. Горлов СА. *Совершенно секретно. Альянс Москва – Берлин, 1920–1933 гг.* Москва: Олма-пресс; 2001. 352 с.
3. Модянов ВЭ. *Россия и Германия. Дух Рапалло (1919–1932)*. Москва: Просвещение; 2009. 174 с.
4. Космач ВА. *От Компъена и Рапалло. Внешняя политика Веймарской Германии после Первой мировой войны (1918–1923 гг.): страницы истории*. Псков: Логос; 2017. 551 с.
5. Мезга НН. *В тисках Рапалло: германский фактор в польско-советских отношениях 1921–1926 годов*. Гомель: ГТУ имени Ф. Скорины; 2010. 198 с.
6. Зубачевский ВА. *Политика России в Центрально-Восточной Европе (первая треть XX века): геополитический аспект*. Омск: Издательство ОмГПУ; 2018. 396 с.
7. Kamiński M, Zacharias M. *Polityka zagraniczna Rzeczypospolitej Polskiej 1918–1939*. Warszawa: LTW; 1998. 315 s.
8. Gzella J. *Miedzy sowietami a niemcami. Koncepcje polityki zagranicznej konserwatystow wileńskich, zgrupowanych wokół «Słowa» (1922–1939)*. Toruń: Wydawnictwo naukowe UMK; 2011. 477 s.
9. Groehler O. *Selbstmörderische Allianz. Deutsch-russische Militärbeziehungen. 1920–1941*. Berlin: Vision Verlag; 1992. 477 S.
10. Zeidler M. *Reichswehr und Rote Armee. 1920–1933. Wege und Statinen einer einer ungewöhnlichen Zusammenarbeit*. München: Oldenbourg; 1993. 374 S.
11. Grosfeld L. *Polska a stosunki niemiecko-sowieckie. 1918–1939*. Warszawa: Niezależna oficyna wydawnicza; 1988. 44 s.
12. Kumaniecki J. *Wobec układu w Rapallo*. W: *Polska akademie nauk. Z dziejow stosunkow polsko-radzieckich. Studia i materialy. Tom 2*. Warszawa: Książka i wiedza; 1966. s. 253–265.
13. Rosenfeld G. *Stosunki polityczne polsko-niemieckie po Rapallo i Lokarno. Kwartalnik historyczny*. 1963;1:26–48.
14. von Koenen G. *Die «Völkerwanderung von unter»: Walther Rathenau über Russland und Sowjets*. von Koenen G, Koplew L, Herausgeber. *Deutschland und die russische Revolution, 1917–1924*. München: Fink; 1998. S. 240–274.
15. Голиков ГН, редактор. *Воспоминания о В. И. Ленине. Том 5*. Москва: Издательство политической литературы; 1969. 560 с.
16. Горлов СА. Военное сотрудничество СССР и Германии в 20-е годы. *Военно-исторический журнал*. 1991;9:6–11.
17. Grabski S. *Z godziennych walk i rozważań*. Poznań: Wielkopolska księgarnia nakładowa Karola Rzepeckiego; 1923. 168 s.
18. Kumaniecki J. *Polska i Rosja Radziecka na konferencji w Genui*. W: *Instytut historii Polskiej akademii nauk. Studia z dziejow ZSRR i Europy Srodkowej. Tom 5*. Wrocław: Zakład narodowy imienia Ossolińskich; 1969. s. 102–128.
19. Kutrzeba S. *Nasza polityka zagraniczna*. Kraków: Gebethner i Wolff; 1923. 122 s.

¹⁵Депеша Ambasady RP w Londynie w Ministerstwo spraw zagranicznych. 17.04.1926. *Przegląd historyczny*. 1983. № 2. S. 323–324.

20. Kaminski MK. *Polityka zagraniczna II Rzeczypospolitej. 1918–1939*. Warszawa: Młodzieżowa agencja wydawnicza; 1987. 120 s.
21. Мезга НН. *Советско-польские отношения 1921–1926 годов: новый этап противостояния*. Гомель: ГГУ имени Ф. Скорины; 2019. 229 с.
22. Дирксен Г. *Москва, Токио, Лондон. Двадцать лет германской внешней политики*. Лихачёва НЮ, переводчик. Москва: Олма-пресс; 2001. 446 с.
23. Stresemann G. *Vermächtnis. Band 2, Locarno und Genf*. Berlin: Ullstein Von Henri Bernhard; 1932. 611 S.
24. Громыко АА, редактор. *История дипломатии. Том 3*. Москва: Издательство политической литературы; 1965. 831 с.
25. Дубровко ЕН. Международное положение Польши в оценках британских правительственных кругов накануне Локарнской конференции 1925 г. *Метаморфозы истории* [Интернет]. 2022 [процитировано 20 февраля 2023 г.]; 23. Доступно по: <https://history-metamorph.ru/s0020231-4-1/>.

Получена 27.11.2024 / исправлена 19.12.2024 / принята 19.12.2024.
Received 27.11.2024 / revised 19.12.2024 / accepted 19.12.2024.